

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Юлия
Скоркина

16+

Юлия Скоркина

На той стороне

«Автор»

2021

Скоркина Ю. А.

На той стороне / Ю. А. Скоркина — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-94166-3

Мир магии, мистики и потусторонних сил. Легко ли оказаться рядом или стать его участником? Герои книги вряд ли об этом задумывались. Они не проводили обрядов и не вызывали демонов... Они просто оказались не в том месте и не в то время.

ISBN 978-5-532-94166-3

© Скоркина Ю. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Встреча	5
Женский судьбы. Ульяна	17
Забытая деревня	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Скоркина

На той стороне

Встреча

Молодой парень стоял на краю топи и смотрел вперёд невидящими глазами. Елисей часто так стоял, раздумывая над смыслом своей жизни и решая, должна ли она продолжаться.

Жизнь не особо баловала его, если не сказать больше.

Своего отца, который сгинул в дремучих лесах Сибири, Елисей не помнил совсем. Образ матери, умершей от лихорадки, когда сыну было три года, тоже постепенно стирался из памяти. Воспитывала Елисея баба Нюра, бабка по материнской линии. К слову сказать, воспитывала хорошо. Любила внука и желала ему только добра. Старушка учила мальчика быть добрым, отзывчивым, а главное – нужным людям. И в нём действительно нуждались. Селька рос крепким мальчишкой, ловким и рукастым. В деревнях такие на вес золота. Никогда он не чурался, если просили о помощи. Будущее пророчило Елисею стать завидным женихом. Несмотря на то, что рос парень сиротой, в любой семье были бы рады такому зятю. Да и девчонкам деревенским Елисей мил был. Красивый, крепкий, добрый – о чём ещё можно мечтать?

В шестнадцать лет мир Елисея вдруг разделился на до и после. Конец лета и начало осени – сезон, когда нужно делать запасы на зиму. Бабулю парень жалел: максимум, куда он отпускал старушку, это в лес за грибами. Сам же скакал по болотам за клюквой и заботился о наличии дичи в доме.

Как обычно, он шёл своими путями в поисках добычи. Любящий лес Елисей становился с ним одним целым. Блуждая нехоженными тропами, он оставался незаметным для его обитателей. Парень чтит традиции, зная, что у леса есть хозяин или хозяйка. В их деревне была легенда о хозяйке леса, Даре. Старожилы, рассказывая о ней, ласково называли её Дарушкой. Благоволила Дара к тем, кто учтив был в лесу со всякой тварью да деревьями. Могла одарить охотника хорошей добычей. Иногда Дара выходила из леса к людям, и тогда огороды давали на редкость богатый урожай. Ежели скотина в доме заболела или пакость какая на посевы нападала, шли люди в лес с подаянием и просьбами к Дарушке.

В доме Елисея окромя кур в хлеву стояла корова Зорька. Кормилица: вымя, что два жбана!

Никогда пустым не было. С лихвой Зорька за хорошее отношение своих хозяев одаривала молочком жирным. Ко времени телиться корове пора пришла. Появился на свет телёнок.

Красивый был: сам рыжий, а по бокам словно реки молочные узоры оставили. Да вот поди ж ты – чахнуть стал. От вымени материнского нос воротит, слабеет на глазах.

– Видать, сглазил кто, – шумно вздохнув, произнесла баба Нюра. – Пойду к Дарушке в лес, попрошу о милости.

Что уж старушка в дар хозяйке лесной понесла – то неведомо, только после её похода в лес телёнок на поправку пошёл. Вес набирать начал, не по дням, а по часам расти стал.

Потому и Елисей, входя в лес, всегда здоровался с Дарой. В её руках было одарить охотника дичью или же отпустить из леса ни с чем.

Описывали хозяйку леса как красивую девушку, стройную, светлоокою. Поговаривали, что звери лесные ей служат. Правда, и злой Дарушка тоже бывала. Тех, кто неучтиво к лесу относился, могла проучить, а то и вовсе наказать – другим для уразумения. Бывало, так долго путника норовистого по лесу водила, пока у того ноги от усталости отказывать не начинали. Ну, а коль с жадности человек зверья настреляет в лесу, так что утащить не может, или рубить деревья думает без надобности, то короткий разговор с ним был. Топи глубокие да леса сибирские

непроходимые завсегда свою добычу ждут. Без жалости хозяйка лесная все тропы к болотам сводила, и не было уж возможности живым выбраться. Местные ведали то. Потому, хоть и считали Дару за добрую богиню плодородия, но осторожны с ней были. Бабы особливо Дарушку почитали, вверяя ей судьбы своих детей, зная, как коварны бывают леса тёмные. Тем более памятуя о тех, кто в лесах этих обитать мог, сбегая от каторги. Хоть и редко, но умудрялись каторжные бежать, сбивались в шайки, пропитание себе искали, разбойничать могли. Опасны были встречи с ними.

Такая встреча и решила судьбу Елисея.

Тот день парень не забудет, даже если очень захочет.

Возвращался он с охоты. На поясе болталась пара рябчиков. Шёл вдоль реки, никого не опасаясь: знал леса, как свои пять пальцев. Да, видать, погрузился в думы свои, ничего вокруг не замечал. Из кустов шагнул да и встал как вкопанный. Сидят трое, головы наполовину обриты, бороды отросшие, глаза злющие.

– А вот и обед подоспел, – произнёс мужик, лицо которого рассекал безобразный шрам.

– Очень вовремя, – ощерился второй, – проходи к костру, паря, не тушуйся.

– Спасибо за приглашение, но мне домой надо, – ответил Елисей, стараясь придать своему голосу твёрдость.

– Успеется ещё домой, – пробасил третий, по виду самый старший из них, – уважай старость, посиди с нами.

Елисей поджал губы и молча подошёл к костру.

– А что, паря, – спросил тот, что со шрамом, – деревня ваша богатая?

– Да откудава богатству взяться? – вопросом на вопрос ответил Елисей. – Время сейчас такое.

– Время всегда одинаковое, и всегда кто-то жирует, а кто-то с голоду подыхает, – зло бросил тот, что постарше.

– Вот, к примеру, ты, – продолжил он, – не желаешь поделиться с нуждающимися?

Тот, что со шрамом, мерзко хихикнул.

– Одну птицу отдам, – смотря себе под ноги, ответил Елисей, – больше не могу. Дома тоже есть те, кто нуждается.

– Экий ты добрый, – пробасил мужик. – Только мало нам одной.

– Нельзя мне домой без добычи, – гнул своё Елисей и медленно стал подниматься с бревна, на котором сидел.

– Далеко ли собрался? – спросил мужик со шрамом, положив ему руку на плечо.

– Пора мне, – произнёс Елисей и потянулся к поясу. Отцепив одного рябчика, он бросил его ближе к костру.

– Вот, как обещал, – сказал он и с вызовом оглядел всю троицу.

Повисло молчание. Елисей повернулся и медленно пошёл к тропе, с которой свернул, когда был вынужден подойти к костру.

Сердце безумно колотилось. Парень понимал, что он в опасности. Елисей испытал заметное облегчение, когда понял, что ни один из мужиков не последовал за ним.

Впрочем, радость была недолгой. Когда тропа свернула совсем близко к реке, за спиной послышался хруст ломающейся ветки. Последнее, что увидел Елисей – изуродованная шрамом, ухмыляющаяся физиономия. Через секунду глаза ослепило яркой вспышкой, и в лицо впились сотни раскалённых капель. От невыносимой боли парень закричал и схватился за голову. Сожжённая кожа будто плавилась под пальцами. Он ощутил сильнейший удар ногой в живот, от которого перехватило дыхание. Сделав шаг назад, Елисей потерял опору и полетел вниз с берега реки. Ледяной поток сомкнулся над головой. Затухающее сознание принесло облегчение, заглушая дикую боль.

Дальнейшего он не помнил.

Разум то возвращался к нему, то вновь пропадал. В минуту просветления он очнулся на песчаной полоске берега.

Кожа на лице горела огнём, грудная клетка невыносимо болела. Прежде чем в очередной раз провалиться в забытье, Елисей увидел, как к нему идёт молодая девушка. В длинном золотисто-зелёном платье, она словно была частью осеннего леса. Девушка подошла совсем близко и присела перед лежащим молодым человеком. Она ласково пригладила его мокрые волосы и улыбнулась. От её руки шли волны нежности и тепла.

"Спи, мой хороший", – тихо произнесла девушка и коснулась пальцами его глаз. Теряя ощущение реальности, Елисей увидел, как к ним направляется огромный бурый медведь. Подойдя вплотную к незнакомке, он ткнулся чёрным носом в её ладонь. Мир в глазах Елисея заволочла серая пелена забытья.

Что было с Елисеем потом и было ли вообще что-то, его память сокрыла от него. Однажды он открыл глаза и понял, что лежит на краю леса. Совсем близко виднелись крыши деревенских домов. Одет в одежду свою, всё чистое, а на руке левой откуда-то шнурок взялся. Тонкая кожаная плетёнка, на узел завязанная. Что шнурок не его, Елисей знал точно. И на время решил оставить всё как есть: пусть болтается, не мешает же. Чувствовал парень себя так, будто ничего не произошло и он просто задремал. Последнее, что он помнил – это опаляющая сознание боль и лицо бородатого мужика, спокойно смотрящего, как его уносит течение бурной реки.

Лёгкое воспоминание о прекрасной незнакомке мелькнуло вскользь, и Елисей решил, что это было бредовым видением.

Он положил руки на своё лицо и понял, что его мир больше никогда не станет прежним. Кожа местами потеряла чувствительность, бугры шрамов изуродовали большую часть лица.

Первым желанием Елисея было убежать обратно в лес. От этого поступка его отговорила собственная совесть, напомнив, что там, в деревенском доме, осталась баба Нюра. Старушка наверняка почернела от горя, понимая, что её единственная опора сгинула в густых лесах.

Пройдя задними дворами, парень вошёл в свой дом. Баба Нюра стояла на коленях перед образами и, часто крестясь, читала молитвы.

Обернувшись на шум и увидев любимого внука живым, старушка завывала и кинулась к Елисею. Та ночь была очень долгой! Селя рассказал всё, что с ним случилось. И про встреченных каторжных, и про вспышку, изуродовавшую его лицо, и про мелькнувший образ незнакомки.

Баба Нюра сказала, что дома внука не было около двух недель. И она уже потеряла всякую надежду на его возвращение.

Спустя неделю заметил Елисей, что рука, на которой шнурок висел, иногда словно огненной становится. И ещё когда от людей подальше в леса да поля шёл, глянет на травку какую, а в голове будто мысли сами в слова складываются. И вот он уже знает, для чего какая травка да былинка надобна, какие хвори лечит. Про эти свои мысли он только бабе Нюре рассказал.

– Помяни мои слова, Селюшка, – задумчиво произнесла старушка, – девица та, что из лесу, не видением вовсе была. А сама Дарушка тебя спасла, да вместо красоты человеческой наградила тебя умением тайным. Да смотри, Селя – Дарушка добра, но справедлива, её дар только во благо используй. А то, не ровен час, спросит с тебя, и не дай Бог тебе ответить ей нечем будет.

С того времени прошло четыре года. Парень с болью в груди вспоминал первые дни своего возвращения в деревню. Охающие бабы плакали, видя изуродованное лицо. Мужики старательно делали вид, что внешность не главное. Главное то, что живой вернулся. И только в жалеющем взгляде молодых девок, которые раньше сами бегали за Елисеем, он видел своё настоящее состояние.

Впрочем, со временем жалость из людских взглядов ушла, сменившись привыканием к его новому облику.

Щедрость души с лихвой заменяла физическое уродство. На людях Елисей старался быть прежним, всё тем же рукастым и весёлым парнем. И только оставшись один на один с собой, впадал в отчаяние и допускал в голову мысли о самоубийстве. На этом свете его держала лишь бабуля. Парень прекрасно понимал, что его будущее – это одиночество. Ни одна девушка не захочет связать свою жизнь с уродом. А жить с человеком, зная, что он с тобой лишь из-за жалости либо от безысходности, было бы для Елисея унижительным.

Вот и сейчас, стоя на краю топи, парень размышлял о своей жизни.

Из раздумий его вывел странный звук. Будто рядом кто-то тихонько подвывал, так тоненько и жалобно, что у Елисея сердце сжалось. Двинулся он в сторону звука. Глядь – в нескольких метрах от топи на поваленном дереве сидит соседка. Заметив парня, женщина торопливо слёзы подолом утёрла и поднялась.

– Здравствуй, Елисей, – поздоровались она.

– Здравствуй, тётка Наталья, – ответил он. – Не сочти, что не в своё дело лезу, но уж больно жалобно ты плакала. Стряслось что?

И вновь заплакала Наталья, руками лицо закрыла, на колени повалилась и подвывать стала.

– Ох, стряслось, милый, – сквозь слёзы начала она, – Петька мой совсем плохой. Давеча топором себе ногу повредил. В больничку ездили, зашил доктор да сказал, что всё хорошо будет. А оно вон как: гниёт нога, почернела вся. Снова в больницу поехали, поохал врач да сказал, что, видать, занесли заразу какую. Резать ногу надобноооо, – завывла женщина. – Как в хозяйстве-то без ноги? У нас ведь детей пятеро. Пётр в уныние впал, не разговаривает со мной; вот я и бегаю сюда, чтоб страх свой выплакать – при нём-то, дома, не позволяю себе.

– Не реви, тётка Наталья, – опустившись на колени рядом с женщиной, сказал Елисей. – Ты домой иди, а к вечеру я приду и покумекаем, что сделать можно.

– Да что ты, милоч, – грустно улыбнулась Наталья, – доктор не помог, разве ж ты чем поможешь?

– А ты не думай о том, что я могу, а что нет. Да попрошу тебя, тётка Наталья: не сказывай никому о нашем разговоре.

Сидит баба во мху влажном на коленях, смотрит на Елисея и молчит. Ведь сызмальства его знала. Никогда косо на людей не смотрел, и поселилась в её сердце надежда. Сама не знала почему, но поверила она парню и на душе так тихо, спокойно от его взгляда сделалось. Утёрла слёзы руками, поднялась да пошла домой к мужу, к детям.

Наталья из виду скрылась, а Елисей сидит на земле и сам не поймёт, что это было. Зачем подошёл, с чего решил, что помочь сможет? Дал надежду, а в силах ли будет её оправдать? И вдруг почувствовал он, что шнурок на запястье сжимается. Будто взял его кто за руку и повёл. По лесу бродит, под ноги себе смотрит, а чего ищет, сам не понимает. И решил Елисей не противиться этому состоянию. Пока по лесу бродил, полные карманы себе травы всякой напихал. А душа всё одно тянет куда-то. Шёл-шёл да и вышел к ручью лесному. Понимает, что воды родниковой зачерпнуть надо, а нечем. Достал ножик, срезал с берёзы кусок бересты да соорудил туюсок небольшой на скорую руку. Набрал воды и домой пошёл.

В избу не стал заходить, завернул сразу к бане. С вечера хоть почти и остыла банька, а всё одно камни в каменке тёплые.

Выложил Елисей траву на камни, чтоб повялилась да помягче стала. Сам диву даёт, откуда знает, что делать надо. Воду с туюска с ковш перелил и на полок поставил. Сходил в дом, забрал у бабули ступку деревянную, в которой она травы толкла, миску глиняную, свечку и в бане закрылся.

Хорошо в бане пахнет: теплом да веником дубовым. Затешил парень свечку, разложил перед собой травы; руки словно сами собой двигаются. Не подряд травы выбирает, а в последовательности. Одну с другой толчёт, третью подсыпает. Водичку родниковой добавит и долго-долго смесь перемешивает. А как почувствовал, что ослабла хватка шнурка на запястье, так и вовсе остановился. Знать, готово лекарство. Положил Елисей всё в миску глиняную и вышел из бани. На улице уж вечерело, со стороны леса тьма ночная к деревне подступалась. Подошёл он к дому Натальи, вызвал хозяйку и передал ей миску с наказом два раза в день к больному месту прикладывать, а смывать смесь нужно только водой, что с лесного источника.

– Да смотри не ленись, Наталья, – строго сказал парень, – источник в лесу силу имеет. И с Петром этой силой с лихвой поделится.

– Да какая уж лень, Елисеюшка! Ты надежда моя последняя, всё сделаю, как сказал, – шёпотом запричитала Наталья.

Этим вечером Елисей на кровать свалился как подкошенный, будто всю силу свою в бане оставил. Словно не пестиком в ступке деревянной травы мешал, а что ни на есть жерновами мельничными. В ночь приснился ему сон диковинный. Будто идёт он по лесу, вдоль реки, а навстречу ему девушка прекрасная. Молодая, станом стройная, в платье красивом до полу. Стоит, ему улыбается. Только и во сне, видать, Елисей о лице своём изуродованном помнил. Отвернулся он от неё и прочь пошёл, всё быстрее и быстрее. А прежде чем за деревьями скрыться, обернулся. Стоит красавица, сошла улыбка с лица, а по щекам слёзы катятся.

Проснулся Елисей хмурый.

– Ты чего такой сердитый, Селюшка? – спросила баба Нюра, увидев внука.

– Сон дурной приснился, – буркнул в ответ парень и пошёл к умывальнику.

– А поделись, милочка, – не унималась бабуля, – можь, развею ношу твою.

– Нечего там рассказывать, – не понятно на что продолжал сердиться Елисей.

– А всё же? – спросила старушка, подойдя к нему вплотную.

Он рассказал ей свой сон больше для того, чтоб она отстала.

– Ох как! – воскликнула баба Нюра, услышав сон. – Да неужто не понял, кто к тебе во сне приходил?

– Откуда мне знать это, – отмахнулся Елисей. – Зато я прекрасно понял, что и во сне от моей рожки красавицы плачут! – И, громко хлопнув дверью, вышел на двор.

– Ох, горе горькое, сколько времени пройдёт, пока глаза твои откроются, – шумно вздохнув, произнесла старушка и занялась своими делами.

Минула неделя. Одним ранним утром проснулся Елисей от голосов.

– Окстись, Наталья, – говорила баба Нюра, – детворы полон дом, а ты нам подарки принесла.

– Не обижай меня, тётка Нюра, – послышался в ответ голос Натальи, – Елисею по гроб жизни обязана буду.

Парень поднялся с кровати и вышел в кухню. На столе стоял кувшин молока и десяток яиц. Увидев вошедшего Елисея, Наталья с воплем бросилась ему в ноги.

– Спас, милый, спас Петра моего! – завывала женщина, вцепившись в ноги парня. – Кожица, как у младенчика! Он давеча и в огород копать вышел, совсем нога болеть перестала. Век помнить буду!

– Тётка Наталья, ты чего удумала в ноги падать, – спохватился Елисей, поднимая женщину. – Мне-то спасибо за что? Разве ж я своими руками? Всё травы! С земли-матушки и пришло исцеление.

– Всё одно, Елисей, – успокоившись, но ещё всхлипывая, говорила Наталья, – если бы не твоё зелье, горька бы судьба моя стала. Без мужика в семье – сам знаешь, да ещё и гроб полон дом.

– Рад я за вас, тётка Наталья, – проговорил он, – только просить тебя буду. Ты уж не рассказывай никому о том, что случилось. Не моя это заслуга, не мне и похвалы принимать.

Наталья клятвенно пообещала держать язык за зубами, ещё раз крепко обняла Елисея и со спокойной душой восвояси пошла.

К вечеру молодой человек решил сходить к реке порыбачить. Собрал снасти и двинулся к излюбленному местечку, где на бережку частенько просиживали местные мужики с удочками. Хорошо у реки, тихо. Солнышко за горизонт уходит, верхушки деревьев золотит, небо облагряет. Увидел Елисей знакомого немолодого мужичка, подошёл поздороваться, да и уселся рядом с ним. Молча сидят, каждый о своём думает. Только мужик уж больно часто вздыхает, видно, думы тяжкие в голове бродят.

– Дядька Николай, – обратился Сея к мужику, – случилось что? Больно уж ты часто вздыхаешь.

– Да пустое, Елисей, – махнул рукой Николай, – дома не всё ладно.

– Заболел кто? – заботливо спросил парень.

– Да понимаешь, чертовщина какая-то творится, – начал Николай. – Молодняк у скотиныдохнуть стал. Началось с птицы. А вчера жеребчик подох. Ветеринар приезжал, так и ушел, не сказав ничего. Баба моя воет, говорит, сглазил кто. К бабке в соседнее село бегала, да не помогла она, видимо. Что делать, ума не приложу.

Шумно вздохнув, Николай молча уставился на реку.

И вновь ощутил Елисей, как верёвочка на руке будто запястье сжала.

– Не кручинься, дядька Николай, – сказал он, – можно, я к тебе в гости завтра с утраца зайду? Там и посмотрим, что сделать можно.

– А ты что ж, в ворожбе разбираешься? – внимательно посмотрев на Елисея, спросил мужик.

– Выходит, что разбираюсь, – задумчиво произнёс парень, рассматривая шнурок.

– А приходи ко мне в дом, – хлопнув себя по коленям, воскликнул Николай. – Чем чёрт не шутит, мне всё одно жена плешь проест, коль скотинадохнуть продолжит.

На том они и сошлись.

Утром следующего дня Елисей шёл в дом Николая. Что он там должен был увидеть, парень не представлял. Шёл и надеялся, что та сила, которая браслет на его запястье сжимает, и в этот раз ему поможет.

Щупловатого вида Николай уже ждал его у калитки. На крыльце, строго смотря на Елисея, стояла тётка Агриппина, его жена.

Елисей приветливо улыбнулся, смотря на дородную и высокую Агриппу.

Он представил супружескую чету рядом друг с другом и понял, отчего Николай так тяжело вздыхал.

Поздоровавшись с мужчиной, Елисей вошёл во двор.

– Проходи, Елисей, – внимательно смотря на парня, произнесла женщина, – пирогов напекла, угощу.

– Спасибо за гостеприимство, тётка Агриппина, да сыт я, – ответил Елисей. – Похожу тут у вас?

– Походи, – кивнула головой женщина. Под взглядом деревенской бабы Елисей чувствовал себя неудобно. Он вообще всегда неприятно ощущал себя, если видел, что человек его разглядывает. Заметив некую робость в парне, Николай поспешил ему на помощь.

– Ну чего, баба, встала, руки в бока? – обратился он к жене. – Дел, что ль, в доме мало? Агриппина гневно сверкнула глазами на мужа, но с крыльца всё-таки ушла.

– От бабы, что за народ! – возмутился вслух Николай. – Везде свой нос сунут!

– Не ругайся, дядька Николай, – улыбнулся Елисей, – проводи меня к хлеву.

Николай пошёл вперёд, и парень поспешил за ним.

Хлев был погружен в лёгкий сумрак. Походив по нему, Елисей совершенно ничего не почувствовал, и это его расстроило. Вдруг, дав надежду мужику, он ровным счётом ничего не сможет сделать. После этой мысли шнурок на запястье ощутимо сжался, и Елисея невероятно потянуло прочь на улицу. Выйдя из хлева, он напрямик направился в огород. Парень шёл так уверенно и быстро, что Николай еле поспевал за ним. Пройдя весь огород, он подошёл к калитке, через которую Николай поутру выводил скот на поле, позади своего дома.

– Принеси лопату, дядька Николай, – попросил Елисей. Мужик поспешно кинулся к сараю и уже через минуту протягивал лопату парню.

Взяв её, Елисей пару раз копнул у деревянного столба, к которому была прибитая калитка. Когда лопата третий раз вошла в землю, раздался металлический звук. И только молодой человек потянулся к земле, как шнурок затянулся с неистовой силой. Парень резко выпрямился и отдёргнул руку.

– Мешок бы мне, – произнёс он, вдруг осознав, что то, что лежит в земле, нельзя хватать голыми руками. Пока Николай бегал в сарай, Елисей осторожно откопал находку и вытащил её из земли на лопате.

Вернувшийся мужичок, склонившись в пояс, рассматривал предмет. Перед ним лежала ржавая подкова, обмотанная то ли волосами, то ли нитками, к которым было привязано что-то зловонное.

– Не пойму я, Елисей, – хмуро уставившись на находку, проговорил Николай, – это что ж, Агриппка моя права была? Подклад кто-то оставил? Скотину мою извести хотел?

– Выходит так, дядька Николай, – согласно кивнул головой парень. – Скотина у тебя хороша, одна Ночка чего стоит. Не вымя – бидоны! Можть, и позавидовал кто.

– И что ж теперь с этим делать? – спросил Николай, взлохматив копну волос на голове.

– Убирать, да никому не сказывать, – ответил Елисей словами, которые будто кто-то вложил ему в голову. – Научу, как сделать нужно.

Этим же вечером, когда солнце стало клониться к закату, Николай с женой шли к лесу. У мужика в руках была лопата, женщина же несла свёрток.

И снова этой ночью Елисею приснился тот же сон. На лесную тропу, по которой он шёл, вышла прекрасная девушка и, улыбнувшись, произнесла: "Совсем скоро". Что было во сне дальше, Елисей не помнил. Проснувшись, он чуть-чуть поразмышлял над этой фразой, но так и не придумал, что она могла означать.

С тех пор, как шнурок на руке Елисея стал подавать ему знаки, жизнь парня очень изменилась. Как бы он ни старался, но слух о том, что он лечит и помогает, медленно расползлся по деревне и её окрестностям. И потёк к Елисею ручеек страждущих. Кто с хворобой, кто шёпоток узнать, чтоб дитё малое от ночных кошмаров избавить. Никому Елисей не отказывал и ничего за помощь свою не просил. Если знал, что деяния его для добра послужат, с открытым сердцем человека принимал.

Баба Нюра поначалу боялась. Где ж то видано, чтоб хворобы людские без подготовки лечить?! Так ведь и на себя нацеплять всячины можно! Но, внимательно глядя, как внук себя с людьми вёл да какие речи сказывал, успокоилась. Душой поняла, что защита на Елисею стоит, почище любого колдовского оговора.

А однажды, хоть и знала, что внуку ничего не угрожает, а всё ж до икоты испугалась.

Рано поутру постучали в дверь. Открыла баба Нюра – стоит перед ней девочка. Босая, растрёпанная, дышит часто. Видать, всю дорогу бежала. Спросила девочка Елисея. Старушка ввела её в дом, усадила на табурет, чтоб дух перевела, да молока стакан налила. Позвала баба Нюра внука, а сама рядом встала. Слушает, что привело девчущку к ним в дом. А как услышала, так чуть дух вон не вышел.

Девочка та оказалась внучкой ведьмы, что в соседнем селе жила. Да была баба та не просто ведьмой, а что ни на есть чёрной. По погостам шастала, людей портила.

– А зачем же я ей понадобился? – не понимая, спросил Елисей. Хлопая глазками, девочка пожала плечами.

– Зовёт, – ответила она, – говорит, очень надобно.

– Ишь чё удумала! – воскликнув, встряла в разговор баба Нюра. – И не думай, Елисей, не пуцу! О чужие грехи мараться не позволю.

– Ну что ты, право слово, бабуль! – пристыдил Елисей старушку. – Мы же не знаем, зачем она меня зовёт. Может, ей помочь нужно.

– Конечно, нужно, – вспыхнула баба Нюра, – за счёт души твоей светлой смерть свою облегчить.

Браслет на руке Елисея начал потихоньку сжиматься.

– Ну бабуль, нешто меня за телёнка глупого считаешь? – нахмурился парень, чувствуя, как кожаный шнурок давит на запястье.

– Не ходи, Елисеюшка, – предприняла последнюю попытку удержать внука баба Нюра, – душа не на месте.

Парень поднялся со стула и, подойдя, обнял свою старушку со словами:

– Нельзя не ходить, бабуль. Мне ведь этот дар дали не для того, чтоб я людей на плохих и хороших делил. Ежели просят о помощи, надобно узнать, что именно нужно.

– Пошли, малая, – повернувшись к девчужке, произнёс Елисей и направился к выходу. – Звать-то тебя как?

– Марьяшка, – ответила девочка и поспешно посеменила за ним.

Всю дорогу до соседнего села девочка трещала без умолку. Она звонко смеялась, вертелась и егозила. Её интересовало всё! Вопросы сыпались на Елисея, как снежинки с зимнего неба.

К концу дороги он уже заметно устал от её болтовни и с облегчением выдохнул, когда увидел крыши деревенских домов.

Но чем ближе эти двое подходили к деревне, тем серьёзнее и молчаливей делалась Марьяна. Елисей не мог не заметить этой перемены.

– Почему ты замолчала? – спросил он, когда они шли по деревне.

Марьяшка вдруг резко остановилась и схватила Елисея за руку.

– Пообещай, что ты поможешь бабуле, – тихо произнесла она, доверчиво заглядывая в глаза парня. – В деревне бабу бояться, не любят её, даже мамка моя её сторонится. А я люблю бабушку, она хорошая.

Девчужка говорила с такой искренностью, что Елисей буквально почувствовал ту любовь, о которой она рассказала.

– Я очень постараюсь, – ответил он и крепко сжал её ладошку.

У дома, где жила Марьяна, стояла женщина. Крепкая, красивая; по внешнему сходству парень понял, что это мать девочки. Женщина встретилась с Елисеем взглядом и кивком пригласила внутрь.

– Если бы вы не пришли, мы бы поняли, – вдруг произнесла женщина. – Меня Аглаей звать. Свекровь там, в комнате лежит.

– Проводите? – спросил он.

– Простите, нет, – тихо, но твёрдо ответила Аглая.

– Я провожу, – воскликнула Марьяна, с укоризной смотря на мать.

Девочка пошла в соседнюю комнату и скрылась за висящими на пороге занавесками. Елисей последовал за ней.

Комната, в которой лежала ведьма, была погружена в сумрак. В углу на кровати лежала сухонькая старушка. Маленькую головку обтягивал чёрный платок, кожа на лице была тёмной и морщинистой. Елисей подошёл совсем рядом и остановился. Услышав шум, ведьма едва приоткрыла глаза.

– Пришёл-таки, – свистящим шёпотом произнесла она, – не побоялся.

Елисей молчал.

– Садись рядом, – прохрипела старуха, – да Марьяшку гони прочь из комнаты.

Гнать девочку не пришлось: услышав слова старухи, она сама покинула помещение. Елисей осторожно сел рядом.

– Нужен ты мне, – хрипела ведьма, – как воздух нужен. Юлить не буду. Много людей на свете, кому я жизнь испортила. Каждый из них на меня не раз проклятиями сыпал. Да участь ведьмы такая: не сильны людские проклятия для нас. Только копятся всю жизнь, да облаком тёмным над головой летают. А как ведьма помрёт, так это облако и обрушится на тех, кто с ней крови одной. Назови это карой небесной. Да только за грехи мои не одной мне расплачиваться.

Не за себя просить буду – за внучку. Сына я своего схоронила, одна она и осталась моей по крови. Не хочу, чтоб так было, чтоб она всю жизнь по моей вине мучилась. Марьяшка ведь единственная, кто меня любит по-настоящему, а не из-за страха.

Старуха вновь замолчала.

– А я чем помочь могу? – не понимая, спросил Елисей.

– Видение мне давеча было. Что знаешь ты ту, которая с Марьяшки печать ведьмовскую снять может.

– Здесь ошибка какая-то, – произнёс Елисей, смотря на ведьму. – Я бы и рад помочь, да неведомо мне то. И в мыслях нет памяти о знакомстве таком.

– Есть, – еле дыша, прохрипела старуха, – она тебя тем днём спасла, её браслет запястье твоё окольцовывает. Молю тебя, парень: спаси Марьяну, не дай судьбе наказать дитя невинное. Мой грех, мне с ним и помирать.

Елисей слушал старуху вполуха. Он не моргая смотрел на свою руку, рассматривая каждый шнурок.

"Неужели и впрямь бабуля моя права была, и браслет этот – подарок Дарушки? – думал Елисей. – Знать, не привиделась мне она, когда на берегу в забытьи лежал".

Из раздумий вывел хрип лежащей рядом старухи.

– Как же я найду её, как объясню, с кого печать ведьмину снять нужно? – спросил Елисей ведьму.

– Навстречу к ней сердце выведет. А про Марьяну она сама узнает. Возьмёшь у Аглаи пелену, в которую внучку при рождении заворачивали, и отдашь ей. Пообещай, что исполнишь, – еле слышно произнесла старуха, схватив парня за руку.

– Обещаю, – сказал Елисей и сжал в ответ слабеющую ладонь ведьмы.

– Спасибо, – из последних сил выдохнула старуха и умерла. Ещё пару минут Елисей посидел с мёртвой ведьмой. Ему не было страшно: где-то внутри зарождался огонь мудрости, понимания происходящего вокруг. Он смотрел на морщинистое лицо старой ведьмы и думал о том, как важно, пусть и на смертном одре, понять, что нельзя перекладывать свой крест на других. Какую бы жизнь ты ни вёл, это должно остаться только твоей ответственностью.

Поднявшись с кровати, он вышел из комнаты. Аглая сидела за столом, сцепив руки перед собой. Костяшки пальцев побелели, было видно, что женщина очень напряжена.

– Она отошла, – тихо сказал Елисей. – Вы знали, зачем она меня звала?

Аглая кивнула головой, не поднимая глаз.

– Несите пелёнку, – попросил он.

Женщина взглянула на Елисея – её взгляд был полон благодарности. Больше всего на свете она боялась, что ни один человек не согласится исполнить просьбу умирающей ведьмы. И тогда её единственная дочь была бы обречена нести на себе крест, которого не выбирала. Аглая выходила замуж по большой любви, и Марьяшка была желанной дочерью. Никакие разговоры о ведьмином проклятии не могли испортить тех счастливых мгновений, когда они с мужем и дочерью жили вместе. Конечно, Аглая знала, что её возлюбленный – сын чёрной ведьмы. Но

сама старуха никогда не лезла в их жизнь, мнения своего не навязывала. А то, что холодна была со снохой, так то ж через хату случалось! Издревле сноха со свекровкой в ладу жили редко. Потому и не слушала никого. После смерти мужа многое изменилось. Он был той связующей нитью, которая хоть как-то держала их общение. И без того злая старуха окончательно закрылась в себе. Днём из дома не выходила вовсе. В комнату свою только Марьяне позволяла войти. По правде сказать, малая не особо и спрашивала. Просто шлёпала своими босыми ножками по дощатому полу и, не страшась сумрака, в который почти всегда была погружена комната ведьмы, шла посмотреть, чем занимается старуха.

Аглая не знала, почему та не гнала её. Росла Марьяна, старела ведьма. Много малышка наслушалась от ребятни о проделках своей бабки. Только всё одно не отрещивалась от неё. Возможно, за эту твёрдость ведьма и любила внучку. Видела, что та унаследовала характер её сына. Старуха поведала Аглае о печати ведьмы уже давно, напугав её до смерти тем, что ребёнок по своей крови будет расплачиваться за грехи рода. Аглая тогда сама в сердцах прокляла старуху – за проделки её, да за то, что обрекла внучку на такое. С того дня свекровка со снохой не обмолвились и словом.

– Она по-настоящему любила вашу дочь, – произнёс Елисей, забирая из рук женщины свёрнутую плёнку, – я думаю, она и вас любила. Аглая, я обещал вашей свекровке помочь и постараюсь это сделать.

– Спасибо, – тихо ответила женщина, смотря на Елисея глазами, полными слёз.

Во дворе парень столкнулся с Марьяной. Улыбнувшись ей, он махнул рукой в знак прощания.

Девочка махнула рукой в ответ. Елисей подумал о том, что улыбка сойдёт с её личика, когда мать расскажет ей о том, что её любимая бабушка умерла. С каждым днём проклятье ведьмы будет подтачивать её светлую душу, либо склоняя к тьме, либо забирая её собственную жизненную силу.

И он дал себе твёрдое слово сделать так, чтобы этого не случилось.

Всю дорогу домой Елисей размышлял о просьбе ведьмы. Яркой вспышкой стояло перед ним прошлое, тот день, когда его жизнь изменилась. Парень пытался вспомнить образ девушки, который увидел на минуту, приходя в себя, но тот тонкой нитью ускользал от него.

Дома он положил свёрток подальше от чужих глаз и рассказал бабе Нюре, зачем его вызвала старая ведьма.

– Жалко девочку, – задумчиво произнесла старушка, – но как же ты исполнишь обещанное?

– Не знаю, бабуль, – ответил Елисей, – но исполнить должен.

С того времени прошла почти неделя. Чем бы парень ни занимался, его не оставляли мысли об обещанном. Однажды он проснулся, когда солнце только показало свои первые лучи. Елисей открыл глаза и смотрел в потолок. Бабуля ещё спала, весь дом был погружён в тишину. Он осторожно, стараясь не шуметь, оделся и вышел из дома, прихватив пелёнку. Прохладный утренний воздух окончательно взбодрил его. Елисей чувствовал непреодолимое желание уйти в лес, его тянуло к ручью с такой силой, что он буквально бежал. Кожа на запястье под шнурком горела огнём.

Лес встретил его утренним гомоном птиц. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, до самой земли протягивая блестящие нити. Когда до ручья оставалось совсем немного, Елисей остановился. Сердце бешено билось в груди от необъяснимого предчувствия. Постояв минуту, Елисей двинулся вперёд. Ручей тихо журчал, ласково поглаживая камешки. Солнце яркими зайчиками отражалось и поблёскивало на гладких каменных боках. Вокруг никого не было.

"Перепрыгни ручей", – вдруг раздался женский голос. Парень оглядывал местность, не понимая, кто говорит.

"Ну же", – вновь настойчиво произнёс голос.

Елисей подошёл совсем близко к воде и, сделав большой шаг, перешагнул его. Окружающая его обстановка вмиг изменилась. На дворе было тёплое лето, воздух вокруг был насыщен ароматами трав и цветов, повсюду порхали бабочки. Он обернулся. На противоположной стороне, словно за прозрачным стеклом, была осень. Большинство деревьев были осыпаны охрой. Елисей вновь подошёл совсем близко к ручью и, протянув руку, действительно наткнулся на прозрачную стену.

– Войти можешь сам, – раздалось из-за спины, – если не просто глазами смотреть будешь. А вот выйти – только если я позволю.

Елисей обернулся – перед ним стояла прекрасная светлокожая девушка. Стройный стан обтягивало зелёное платье, расшитое золотыми нитями. Красивые русые волосы были рассыпаны по плечам. Парень стоял, заворожённый её красотой. Девушка подошла к Елисею совсем близко и, потянувшись к его запястью, с лёгкостью сняла кожаный браслет. Перекинув длинные волосы через плечо, она заплела косу, в самом конце перехватив её этим шнурком.

– Он тебе больше не нужен, Елисей, – произнесла она и улыбнулась. – Ты умеешь всё сам.

– Видимо, не всё, – ответил парень и по старой привычке постарался отвернуться, стыдясь своего изуродованного лица.

– Почему ты отворачиваешься? – спросила девушка.

– Будто сама не видишь? – тихо произнёс Елисей, всё так же стараясь не смотреть на красавицу.

– Не вижу, – ответила она, – а тебе советую посмотреть получше. Наклонись к ручью.

Елисей бросил на неё непонимающий взгляд и, припав на колени, склонился над журчащим потоком. Там, где образовалось небольшое углубление, вода стояла словно зеркало, и в его отражении Елисей увидел себя. Не веря своим глазам, он ощупывал лицо, которое теперь было красивым и гладким, как прежде.

– Так чего же ты ещё не умеешь? – вновь обратилась красавица к нему.

– Вот, – только и смог вымолвить Елисей, протягивая девушке детскую пелёнку. В голове путались мысли. Всё вокруг казалось прекрасным сном, и молодому человеку совсем не хотелось просыпаться. Он и верил и не верил в то, что всё это сейчас происходит с ним.

– Дара? – робко спросил он.

– А будто не догадался? – игриво спросила она, забирая из его рук пелёнку.

Дара подошла к ручью совсем близко и, наклонившись над ним, опустила пелену в воду. По прозрачной глади тут же начало расползаться чёрное маслянистое пятно. Елисей не верил своим глазам, ведь пелёнка была белой и абсолютно чистой.

Подождав, пока вода вокруг материи вновь не станет прозрачной, Дара вытащила её и протянула парню.

– Встряхни, – произнесла она.

Взяв пелёнку за два уголка, Елисей с силой потряхнул ею в воздухе. И в ту же секунду полотно словно рассыпалось в его руках, превратившись в огромное количество белых бабочек. Они кружили над ним, порхая тончайшими крыльшками, разлетаясь прочь по лесу.

Елисей, замерев, наблюдал за этим зрелищем до тех пор, пока последняя бабочка не скрылась из виду.

– Ну вот и исчезла ведьмина печать, – голос Дарушки вернул парня в действительность.

Ему хотелось задать ей так много вопросов, но сделать этого он так и не смог. Всё произошедшее с ним будто лишило его дара речи. Елисей думал лишь о том, что он мог бы всю жизнь вот так простоять рядом с ней, любуясь красотой, чувствуя гармонию и тепло, исходящее от неё.

– Тебе пора, Елисеюшка, но знай, что я всегда буду ждать тебя. И если захочешь меня увидеть, приходи.

Она махнула рукой и, растворившись, прозрачная стена впустила в мир лета прохладный осенний воздух.

Елисей шёл по лесным тропам, пытаясь прийти в себя. Его жизнь вновь раскололась на до и после. Едва перешагнув ручей, Елисей сразу ощутил, что его лицо вновь стало покрыто шрамами от ожогов. Только теперь это отчего-то совсем не беспокоило. В его сердце появилось чувство, доселе незнакомое ему. И мысленно он вновь и вновь возвращался туда, к прекрасной Даре. Парень с трудом выдерживал день, когда у него не было возможности убежать в лес, перепрыгнуть через волшебный ручей и оказаться рядом с той, которая была мила его душе. Они гуляли по лесу, держась за руки. Слова им были не нужны, они всем своим существом чувствовали этот мир и своё место в нём.

Шло время. С каждым днём Елисей становился всё мудрее. Служение и помощь людям он превратил в дело своей жизни, неся в мир свет и добро.

Всё яснее он понимал, что, как только последнее обязательство в его жизни покинет этот мир, он тоже не задержится здесь, среди людей.

И вскоре этот день настал. Баба Ньюра отошла в мир иной тихо и мирно. Ничто больше не держало Елисея.

В одно раннее весеннее утро он проснулся до рассвета и ушёл. Ушёл туда, где его давно ждали, куда много лет стремилась его душа.

Стоя по одну сторону ручья, Елисей смотрел вперёд. Его глаза лучились светом и радостью. Прямо перед ним стояла Дарушка. Протягивая руки, она приглашала его в свой мир. Мир, где царит спокойствие и мудрость веков. Предлагая ему разделить с ней её путь, сохранить ту тонкую нить, на которой держится равновесие между людьми и природой...

Женский судьбы. Ульяна

– Выручай, Ульяна, – устало присев на табурет, произнесла Прасковья. – Второй день ни капли молока Стешка не даёт.

– Научу, чего делать надо, Прасковья Андреевна, – ответила женщина в чёрном платке.

Платок этот Ульяна не снимала уже, почитай, лет десять. Как любимый зимой помер, так и накинула его на голову.

Ведь знала, видела во сне, что Проша стинуть может, да не остановила, не настояла на своём.

Ульяна с Прохором с самого малолетства вместе были. У Проши как тятка помер, так отец Ули и присматривал за мальцом. Парню, ему завсегда рука крепкая в воспитании нужна. Вот Матвей и помогал матери Прохора. К мужской работе приучал парня, на охоту да на рыбалку с собой брал.

Вся ребятня деревенская знала, что Улька с Прошкой – жених и невеста.

Бывало, выйдут вечером на лавке посидеть, а шалопаи уже тут как тут, чтоб дразниться да колючками в них бросаться.

Проша, пока совсем мальчишкой был, порой и припустит за этой ватагой. Те – врассыпную. Прыткий Прохор быстро изловит самого голосистого да за ухо к Ульяне приведёт – проси, мол, прощения, что обзывался.

С возрастом, конечно, поубавил прыти: чего с них, дуралеев, возьмёшь, им лишь бы посмеяться над кем.

Взрослели дети, крепили и чувства, а ко времени Прохор Ульяне предложение сделал. К тому времени Проша свою матушку уж схоронил. Да и семью Ульяны смерть стороной не обошла – отца забрала.

Вот и стал Прохор за главного и в своём, и в Ульянином доме.

Семью Ульяны, надо сказать, в деревне побаивались. Ещё прабабка Улина, Агриппа, славилась тем, что ведьмачить могла. Неприятная бабка была, норовистая. За словом в карман не лезла, тем, кто не по нраву был, могла и напакостничать. Родила Агриппина дочку, почитай, в подоле принесла. Ни до, ни после никто из соседей Агриппу с мужиком не видел. Так и растила она Дуняшу свою одна.

Померла Агриппа – думали, что дочь теперь за ведьмовство возьмётся, а у ней вроде как дара не оказалось.

Попервой пыталась знахарничеством заняться, да только ведь не так это просто. У настоящей ведьмы и одуванчик в зелье превратится, но коль по судьбе не быть тебе ворожеей, то хоть убейся, а и настоящее снадобье водой станется. Бросила Евдокия это дело и жила себе обычной жизнью.

Замуж за Матвея вышла, хозяйство держали, ко времени понесла. Родила Ульяну. Текла жизнь ручейком, камушки огибала, всё у них в семье складно было.

Что матери не досталось – дочери с лихвой отсыпали. У Ульяны дар открылся, когда той лет десять было. Да и не то чтобы дар, так, видеть помаленьку начала.

Бывало, Никитична по деревне бегают – всё стадо домой воротилось, а ейной Польки нету. И в поле, и в пролесок, грешным делом и на кладбище заглянет – мало ли, куда рогатую занесёт, – нет нигде.

Идёт домой, вся измотанная да в расстройстве, а Ульяна к ней подойдёт, под локоть возьмёт и прошепчет чего ей на ухо.

Глядишь, спохватится старая, побежит и уже спустя пять минут слышно: колокольчик звенит, ведёт Польшку свою горемычную в стойло. Вечером Ульянке в благодарность кринку молочка несёт.

Отец помер когда, Уле пятнадцать было. Не дожил до свадьбы дочери любимой. Прошато сватов заслал опосля три года после этого.

Евдокия добро дала. Знала, что Прохор надёжный, да к тому же любит Ульянку до безумия.

С возрастом дар Ульяны креп. Снадобья на всякую хворь готовила. Шепотки особые знала. Девка хоть бабку-ведьму в живых и не застала, а поболее дочери родной о ней знала.

На немой вопрос матери отвечала, что бабка Агриппа к ней во снах является да уму учит.

Однажды случай произошёл. Снится Ульяне сон, будто бабка к ней пришла и говорит, что надо бы и к повитушному делу приладиться.

– Что ты, бабушка, – отвечает ей Уля, – то ж младенец, мало дело. Смотреть страшно, не то что в руки брать.

– Не упирайся, Улька, – сердится во сне Агриппа, – благое то дело, в мир души впускать. Бог за то счастье даст.

– Окстись, ба, – упирается Ульяна, – кто ж мне доверит ребёночка принять, коль у меня и своих пока нету, и держать в руках не держала.

Хмурится Агриппа.

– Слушай, дурья твоя голова, – буркнула бабка, – время придёт, не беги. Коль приключится ребёночка принять, руки сами всё нужное сделают.

Уля хоть сон и запомнила, да только близко к сердцу не приняла.

А спустя пару дней в село соседнее мамка послала. Короткие пути хоть Уля и знала, да лето нынче дождливое выдалось, топи в лесах расширились. Пришлось вдоль дороги идти. Больше половины пути Ульяна прошла, видит – у обочины леса телега стоит, а в ней баба на крик исходится. Мужик вокруг бегаёт, охает, руками машет. Подошла она ближе, смотрит – лежит девка, лицо красное, на висках прожилки синие вздулись. Руками живот обхватила, а подол уж весь в крови.

– Давно ли началось? – обратилась Уля к извозчику.

– Дак уж давненько, – ответил мужик. Засучила рукава девушка, к роженице подошла, та без сил и обмякла. Лежит, глаза прикрыты, пот струйками стекает.

– Быстро гони в село, а я в дороге что нужно сделаю.

Мужик подорвался, лошадь стеганул, и покатила телега в сторону села. К дому роженицы подъехали, когда Уля уже на руках младенчика, в какую-то рванину спелёнутого, держала. Муж да соседи мамашу с телеги сняли да внутрь снесли. Уля за ними пошла, ребёночка отцу отдала, а сама к роженице. Плохо той, крови много потеряла, намучилась. Наказала Уля соседке, что с ней в дом вошла, как поить да какими травами. Руки от крови отмыла и вышла с дому прочь. С того дня пошла молва, что в деревне одной повитуха молодая есть, руки золотые.

Через год после свадьбы дочери померла Евдокия. Как Ульяна ни билась, какие уж настои да отвары ни готовила, да только Смертушка всё одно прибрала её. Погоревала дочь по матери, поплакала, да жизнь-то дальше идёт.

Самый страшный удар, после которого Уля платок чёрный уж не снимала, пришёлся на её двадцатипятилетие.

Ночью плохо спалось Ульяне, сердце щемило, словно беду чуюло.

Дело к весне было, возвращавшиеся с города Прохор с Иваном решили путь сократить, пораньше домой воротиться. Хоть и тяжела телега, да и лёд с зимы ещё крепок, авось выдержит.

Аккурат посреди реки треск раздался. За минуту лошадь с телегой под воду ушла, ребята, оказавшиеся в ледяной полынье, так и не смогли выбраться.

Быстро видение перед глазами мелькнуло, дыхание от ужаса спёрло.

Растрёпанная, простоволосая, в одном платье, бежала Ульяна к месту гибели своего любимого.

С того дня платок чёрный нацепила, скотину извела. Кур соседке отдала, козу – Лукерье, что через три дома жила. Ей нужней, малышей полна хата. А сама словно замёрзла. Ни улыбки на лице не мелькнёт, ни слезинки.

В доме Ульяны теперь почти всегда полумрак стоял. Из дома выходила только вечерами. Особенно любопытные решили глянуть, куда ходит. Да гадать особо не пришлось.

Приходила Ульяна к реке, что зимой мужа любимого себе забрала. Сядет на бережку напротив места, где телега под воду ушла, и сидит чёрной тенью до полуночи, а потом в дом возвращается.

Впрочем, людям помогать Ульяна не перестала. Завсегда, ежели кто просил, на зов шла.

Поначалу-то соседки да подружки приходили, разговоры вели, что траур-то пора и снимать. Чай, с момента смерти мужа уж не один год прошёл. Молодая ведь, красивая! Деток ещё можно родить, мужа хорошего сыскать. Ведь и так на молодую знахарку мужики с соседних сёл засматриваются.

Безразличием отвечала на те слова Ульяна. Закрыто сердце её навеки, под толщей воды ледяной, что мужа в тот день укрыла, спрятано.

– Научи, милая, – закивала головой Прасковья, – нельзя мне без молока, внучат кормить надо.

– Гвоздей возьми старых, на сковороду их высыпь, маслица подлей и на огонь поставь, – поучала Уля. – Как шкварчать начнёт, так скажи: "Как ржа маслом смывается, так и хворь со скотины моей смоеется". После остуди масло и вылей перед порогом хлева, да жди. Придёт та, что беду навела. Просить чего начнёт – не вздумай давать, и на порог не пускай.

Убежала Прасковья, сделала, как сказано было. И глядь, тем же днём идёт к её дому старуха ветхая, что в конце деревни жила.

– Не найдётся ли у тебя сольцы, Прасковьюшка? – спрашивает.

– Не лень тебе было за солью в такую даль идти, Филипповна? – вопросом на вопрос ответила Прасковья.

– Эдак я просто мимо шла, да вспомнила, что соли-то нет в хате, – произнесла старуха.

– Ох, звиняй, Филипповна, не могу соли дать: я её старым ведьмам на глаз высыпала, – закричала Прасковья да с кулаками на бабушку кинулась. Еле ноги старая унесла.

Вечером Прасковья к Ульяне зашла, десяток яиц в узелке принесла да благодарила, что спасла козочку-кормилицу.

Так и жила Ульяна: сама к людям не лезла, а кто просил о помощи – не отказывала. Впрочем, не всем Уля помогала, чувствовала она людей. Могла и словом крепким приложить, если видела, что человек по заслугам получает.

Так проходили года. Одной весной пошла как-то Уля по воду на колодец. Супротив колодца дом стоит, а возле, на лавке, два мужика сидят. Посмотрела на них девка – будто молнией полыхнул пристальный взгляд её серых глаз.

– Глянь, какая сердитая, – раздалось за спиной. Ульяна повернулась – один мужик приближался.

– Чем же это мы тебе так не угодили, – спросил он, – что волком на нас взглянула?

– Тебе какое дело до того, как я смотрю, – ответила Ульяна. – Знать, усмотрела то, что не понравилось.

– А ты никак в самую душу заглядывать умеешь? – продолжал мужик, прищурившись.

– Может, и умею, – с вызовом произнесла она.

– Тяжело живётся тому, кто слишком много знает, – вновь обратился к ней мужик.

– Тяжело тому, у кого за плечами не одна душа мается, – спокойно ответила Уля и, развернувшись, гордо пошла прочь от колодца.

Долгим взглядом её мужик провожал, неприкрытая злоба в глазах засветилась.

Ох и попала в точку Ульяна! Мужика этого Николай звали. Отбывал он срок в шахтах за убийство двух человек. Как положено срок свой вытянул. А как время пришло из ссылки возвращаться, так он и вспомнил о сестре родной, что в дальней деревушке жила.

"Первое время протянуть поможет, – думал он, – а ко времени, глядишь, и денюжат сколотить получится, да обратно в город большой рвануть".

Вот с кем срок свой тянул, с тем и вышел на свободу, заранее зная, что вряд ли к нормальной жизни вернётся. Разбоем оно завсегда быстрее разбогатеть можно. Не его это – лямку на полях тянуть да на богатого дядю работать.

Сестра, конечно, не знала, чем занимался брат. Ушёл Колька с семьи, когда матушка ещё жива была. Ушёл и пропал, ни письмеца, ни весточки. Оно и к лучшему было: узнай мать, чем сынок промышляет, раньше времени бы в землю сырую слегла.

– А скажи-ка, Дарья, – спрашивал Николай сестру, – баба молодая, вся в чёрном, кто будет?

– Так то Ульяна, знахарка местная, – ответила женщина. – После смерти мужа Уля нелюдимая стала, редко с людьми общается. Деток Бог не дал, вот и коротает век одна.

– Одинокая вдова, значит, – ехидно улыбнулся второй мужчина, по имени Герасим.

– Знахарка, говоришь, – задумчиво произнёс Николай, но дальше мысль свою озвучивать не стал.

А вечером шёпотом Герасиму и выдал:

– Ежель хорошая знахарка, знать, народ ей в благодарность откуп несёт. Наверняка будет чем поживиться.

– Да и вдовушку развлечь не грех будет, – плотоядно сверкнув глазами, хмыкнул Герасим и потёр руки.

– В хату к ней не пойдём, людно больно. Раз знахарка, значит, за травами ходит, вот в лесу её и подловим, – подытожил Николай. – Будет знать, как волком зыркать.

Ждать мужикам пришлось недолго. Уже следующим вечером они заприметили, как чёрная фигура направилась в сторону леса. Обождав немного времени, они двинулись за ней.

Ульяна твёрдой походкой шла напрямиком в лес. Петляя меж деревьями, девушка вдруг остановилась. Тонкое чутьё вмиг уловило посторонний запах. Этот запах ей уже был знаком.

"Ну что ж, – еле слышно произнесла Ульяна, – лёгкой наживы захотелось? Получите".

Она шагала вперёд, не сбавляя шага, знала, куда идёт.

Бабка Агриппа, приходя во снах, учила не только тому, как людям помогать. Другое дело, что Ульяна, зная всю силу чёрной магии, осознанно не бралась за неё. Но это вовсе не означало, что она не умела ей пользоваться...

Топь, открывшаяся перед ней, чернела, как сама ночь. Деревья вокруг были страшными, словно кто-то очень большой вырвал их из земли и воткнул обратно корнями вверх.

Ульяна стояла лицом к болоту и не шевелилась.

Повернулась она, лишь только когда услышала треск ломающейся ветки.

В двух метрах от неё стояли двое мужчин.

– Не устали по лесу за мной блуждать? – спросила она.

– А ты, гадина, знать, давно нас заприметила? – озлобился Николай.

– Конечно, заприметила, – ухмыльнувшись, ответила Ульяна, – от тебя мертвечиной несёт так, что спасу нет.

Николай раздражённо заиграл желваками.

– Что вам нужно? – спросила Уля.

– Нужно уму-разуму тебя научить, – мерзко осклабился Герасим, – чтоб посговорчивее была.

Николай сделал резкий прыжок вперёд и, сцепив руки, мёртвой хваткой прижал Улю спиной к себе. Женщина не сделала попытки отстраниться.

– Познакомимся поближе, – гадко хихикнул Герасим и, схватив одной рукой кофту на груди Ульяны, уже намеревался рвануть её вниз, как вдруг замер, смотря куда-то за спину поделщика.

Там, по стволам мёртвых деревьев, сверху вниз сползали пауки размером с крупную курицу. Они тянули за собой тончайшие серебристые нити паутины. Ловко перебирая мохнатыми лапками, пауки семенили мимо державшего девушку Николая прямо к Герасиму. Откуда-то сверху прямо на голову мужика опустился жирный паук, оплетая вокруг него кокон.

Герасим закричал, неистово махая руками, пытаясь скинуть тварь. Он срывал паутину с себя, только паучьи лапки оказывались быстрее. И уже через пару минут, полностью замуравов мужика в своей липкой сети, пауки исчезли, утаскивая с собой кокон с человеком внутри.

– Аааа! – закричал Николай, отталкивая от себя Ульяну. – Ведьма, что ты сделала?

– Ну как же, вы ж поближе познакомиться хотели, вот я для начала вам родню свою и показала, – спокойно ответила девушка и вонзила в Николая злобный взгляд. – Сейчас с одним разберутся – с тобой знакомиться придут.

– Пропади ты пропадом, ведьма проклятущая! – закричал Николай и бросился прочь от Ульяны.

Воротился Николай к сестре лишь к следующей ночи. Весь грязный, седой и с обезумевшими глазами. Всё о каких-то пауках твердил да о нечисти лесной. А под утро в забытьё впал. Родных узнавать перестал, темноты стал бояться. Ночами от любого шороха трясся, да как дитё малое плакать начинал.

До Ульяны слухи дошли, будто свезла его сестра в большой город да докторам специальным отдала на лечение. Только Уле это ни к чему было. Услышала, да забыла. Каждому своя судьба, по делам и оплата.

Так и шли её безрадостные дни дальше, один сменяя другой, пока однажды...

Пошла Ульяна поутру в лес. По росе сырой трава всегда особые свойства имеет. Вот и встала Улюшка спозаранку, чтоб успеть с первыми солнечными лучами посеCRETничать.

Возвращалась домой уж к обеду, солнышко высоко над горизонтом стояло. Вошла в дом, со света яркого и не видно ничего. Только чувствует, что не одна она в комнате. С минуту к сумраку привыкала, глядь, – пара глаз на неё уставилась и смотрит не мигая. Сидит на лавке у стола мальчик, на вид лет семи.

– Ты как тут, сорванец, оказался? – спрашивает Ульяна. – Как в дом вошёл?

– Так не заперто ж было, – прошепелявил ребёнок.

– И давно ли ты тут?

– Давненько уж, – наивно ответил мальчик. – Меня Никитой кличут.

– И чем же обязана такому гостю? – улыбнувшись простоте ребёнка, спросила Уля. Улыбнулась и замерла, словно саму себя испугавшись.

– Мне врачевательница до зарезу нужна, – ответил малец. – Бабка Лукерья сказывала, что в дальней деревне такая живёт. Вот я и нашёл вас.

– В дальней деревне? – удивилась Ульяна. – А откуда ж ты будешь?

– С Верховья, – пояснил Никита.

– Ох батюшки, – воскликнула Ульяна, – так то ж день пути? Как ты дошёл, кто отпустил в такую даль?!

– Никто меня не отпускал, – насутился Никитка, – чай, не грудной, по земле хаживать умею.

Ульяна вновь улыбнулась. Вид маленького лохматого мальчишки, старающегося показаться серьёзным и взрослым, умилял.

– Так зачем же тебе знахарка понадобилась?

– Папка наш сильно хворый, – ответил ребёнок, и на его голубых глазах навернулись слёзы. – Я давеча с дома уходил, он даже подняться с постели не мог. Я Федьку за старшего оставил, а сам сюда.

– Папка? – удивилась Ульяна. – А что ж мать ко мне не явилась?

– Нет у нас мамки, – буркнул Никита, – померла, когда Федьку рожала. Так бабка Лукерья сказывала.

– А бабка Лукерья вам кто? – пыталась разобраться Ульяна.

– Соседка она, доглядывала за нами, пока папка работал и я маленьким был. Сейчас-то уже я сам большой, и за собой, и за Федькой присмотреть могу, – простодушно отвечал ребёнок.

– Что же с отцом вашим приключилось?

– Плохенько ему, – вздохнул мальчик, – кашлем заходится, сил совсем нет, еле по дому ноги передвигает.

– А сколько ж лет Федьке, которого ты дома оставил?

– Пять годков по весне исполнилось, – спокойно ответил мальчик.

– Ох ты ж, Господи! – воскликнула Ульяна. – Так ведь и до беды недалеко! Вот что, – произнесла она, ставя перед мальчиком плошку, наполненную кусками сахара, – ты пока тут сахарком побалуйся, а я сейчас вернусь.

Вернулась девушка спустя десять минут, собрала в холщовый мешок травяных сборов, ещё кой-какую приблуду знахарскую, наперевес взяла суму с нехитрой снедью и вышла с мальцом на улицу.

Перед калиткой стояла телега, запряжённая лошадьё. В телеге сидел мужик и лениво пожёвывал соломинку.

Ульяна приказала Никитке взбираться в телегу, и сама, закрыв дверь на замок, последовала его примеру.

– В Верховье, Иван Савельевич, нас доставь, за услугу отплачу. А коль кобылка поретивей побежит, так и сверху доложу.

Всю дорогу Никитка с упоением рассказывал знахарке, как ловко он рыбу ловить умеет, подсекать да червей насаживать. Обещая, что за помощь отцу он ей цельное ведро пескарей наловит.

Ульяна слушала мальчика вполуха. Она больше разглядывала его. Ей было приятно то ощущение, которое разливалось в области сердца, когда она слышала шепелявый голосок ребёнка.

День клонился к вечеру, на горизонте показались первые крыши деревни Верховье.

Телега подъехала к избе Никиты и остановилась. Поблагодарив Ивана Савельевича, Ульяна ответила, что дожидаться её не надо, на том и разошлись.

В доме было сумрачно. Когда Ульяна вошла внутрь, мальчик уже стоял у кровати, на которой лежал мужчина. Рядом у стола, на лавке, восседал, трепыхая ножками в воздухе, второй ребёнок.

Уля подошла ближе к кровати – у мужчины явно была горячка. Он лежал на боку, отвернувшись к стене, и тяжело дышал. При каждом вдохе из его груди вырывался скрипучий свист.

– Ну, показывайте, где тут у вас можно воды набрать, – стараясь придать голосу твёрдость, произнесла знахарка. Ей вовсе не хотелось расстраивать мальчишек, но шансы выжить у их отца явно были невелики. Ульяна повидала много тех, кто мучился болезнью лёгких. Как правило, на кашель обращали внимание, когда становилось уже слишком поздно.

На звук её голоса мужчина дёрнулся и медленно повернулся на спину.

Бледно-зеленоватого цвета лицо, бескровные губы, – он так и не нашёл в себе сил открыть глаза.

– Есть хотите? – вдруг спросила Ульяна, обращаясь к мальчикам. – И давайте уже знакомиться!

Густая сладкая каша дымилась в тарелках. Ребята сидели друг напротив друга и уплетали приготовленную еду.

Время тянулось, как смола; каждый час Уля проверяла состояние мужчины.

За время, пока мальчишки ели, Ульяна узнала, что отца зовут Степан. И что обычно он очень весёлый. По разговору становилось понятно, что дети любили его.

За жизнь незнакомого мужчины Уля билась три дня. Поила, обтирала, укутывала, читала молитвы и заговоры. Всё это время мальчишки были рядом с ней.

Пару раз в избу заглядывала всезнающая бабка Лукерья. Видя, что Степану так и не становится лучше, старушка с тоской оглядывала мальцов и уходила, шумно вздыхая.

Ульяна ловила взгляд старухи, и её сердце замирало. Она знала, о чём думала Лукерья, смотря на детей. Их судьба сейчас висела на тонкой ниточке. С одного конца была привязана жизнь Степана, с другого – их жизни. Нужно было во что бы то ни стало сохранить эту нить целой.

Четвёртой ночью Уля проснулась от прикосновения.

Она не ходила спать в комнату с мальчиками, пыталась сидя прикорнуть рядом с кроватью больного на случай, если что-то пойдёт не так.

Ульяна открыла глаза. Перед ней на кровати, спустив ноги на пол, сидел Степан. Мокрые от пота волосы прилипли ко лбу, синяки вокруг глаз делали взгляд тяжёлым.

– Кто вы? – спросил Степан. Было видно, что каждое слово даётся ему с трудом. Каждый вдох сопровождался свистом, вылетающим из горла.

– Знахарка я, – шёпотом ответила Уля, – Никита отыскал меня, сказал, что отцу плохо. Вам действительно было очень плохо, я не была уверена, что вы поправитесь.

Степан откинулся обратно на кровать.

– Сил нет, – прохрипел он, – сколько я тут провалялся? Что с сыновьями?

– С детьми всё хорошо, – успокоила его девушка, – у вас замечательные мальчишки.

Степан вымученно улыбнулся.

– Меньше говорите, больше спите, – произнесла Ульяна, протягивая Степану кружку с горячим отваром. – Вам нужно больше пить.

Утром, едва увидев, что отец наконец-то пришёл в сознание, мальчишки бросились с радостными воплями на постель.

Период выздоровления был непростым, силы возвращались к Степану по капельке. Всё это время Ульяна заботилась и о нём, и о его сыновьях. Мальчишки заметно привязались к знахарке. Да и сам Степан порядком привык к женской руке в их доме.

Вечерами, когда дети ложились спать, они разговаривали. Двое словно понимали друг друга с полуслова. Боль утраты, коснувшаяся их сердец, была схожа. Они одновременно были и близки, и так далеки в своём одиночестве.

И вот настало время, когда мужчина поправился окончательно. Уход знахарки ему стал не нужен.

Той же ночью, тихо собравшись и никому не сказав ни слова, Ульяна ушла. Не смогла переступить через привычную тоску. И хоть понимала, что новое чувство поселилось в груди, изо всех сил желала раздавить его.

Лето нынче засушливое выдалось, лесными тропами знахарка уже к утру дома была. Родные стены теперь показались такими холодными. За это время привыкла она к мельтешению мальцов, к запаху дома, в котором кипела жизнь.

"Хватит!" – резко выкрикнула она сама себе, запрещая даже мыслями возвращаться в тот дом.

Дни шли, сменяя друг друга. Спустя неделю, в ночь, дождалась Ульяна, когда последний огонёк в окнах домов погаснет, и вышла на улицу. Шла привычной дорогой к реке. К месту, где не один уж год она взывала к судьбе своей безрадостной.

Яркая, полная луна освещала реку, оставляя на ней широкую серебристую дорогу.

Ульяна подошла к краю берега и встала на колени, воздев руки к луне:

"Обратись, Мать-Луна, к реке-реченьке,

Пусть откроет она свои недра тёмные,

Да на время ко мне подневольного выпустит.

Ненадолго его задержу я в Яви,

С покорностью отпущу в темноту Нави".

Тишина вокруг настала, ни травинки ветер не шелохнёт. Река словно течение остановила. Глядь, пошла рябь мелкая по воде, и расступаться волны стали. Из воды медленно поднимался силуэт. От него исходило едва уловимое голубовато-серебристое сияние.

Сердце Ульяны затрепетало, слёзы полились по щекам. Этот силуэт она узнала сразу. Могучие плечи, крепкая шея, – её любимый Прошенька стоял перед ней. И лишь выражение лица, скованное беспросветной тоской, напоминало о том, что он давно уж не в этом мире.

"Прошенька", – прошептала Ульяна, вытирая слёзы.

"Прости меня, Прошенька, не могла сил набраться и раньше вызвать тебя, не могла в глаза твои взглянуть, не уберегла ведь".

Ульяна упала лицом на траву, её плечи содрогались от рыданий.

"Не уберегла", – кричала она, изливая на землю всю свою боль, которую столько лет держала внутри.

Ульяна очнулась, едва первые лучи солнца коснулись её чёрного облачения. Лицо было мокрое от росы, глаза распухли от слёз, а на душе было так легко и спокойно, будто и не было тех лет боли и тоски, что точили её.

Она с улыбкой смотрела на солнце, встречая новый день, вспоминая случившееся с ней – то ли сон, то ли видение.

В видении был Прохор, молодой, статный, красивый – такой, каким она его запомнила. На самом деле Ульяне не важно было, как выглядел её давно почивший возлюбленный – ей было важно слово, которое он сказал ей.

"Свободная", – произнёс Прохор улыбаясь, и, поцеловав знахарку в лоб, исчез.

Ульяна шла домой со странным чувством: словно вернулась в яркий мир из прошлой чёрно-белой жизни.

Войдя в дом, решительно собрала нужные вещи, намереваясь отыскать того, кто сможет помочь переправиться в Верховье. Подойдя к двери, девушка обернулась, с тоской оглядывая отчий дом, в котором была счастлива и несчастна одновременно. Шумно вздохнув, Уля рывком распахнула дверь – и замерла на пороге. На крыльце прямо перед ней молча стояли трое. Три пары глаз с любовью смотрели на неё.

– Нужны ли? – тихо спросил Степан, положа руки на плечи своих мальчишек.

– Как воздух! – ответила Уля, стягивая с головы чёрный платок...

Забытая деревня

– Сань, а почему тогда не продать дом? – спросил Владимир сидящего за рулём друга.

– Володь, если честно, мне нечего тебе ответить на этот вопрос. Когда подростком был, ездил к бабке с дедом почти каждый год. Как бабуля померла, ездил к деду. Отец постоянно навевался туда, а потом как-то резко всё поменялось. Мне в голову любовь стукнула, и я пару лет в деревне не был. А потом армия.

Дед помер, когда я ещё служил. Мать была в командировке, и отцу пришлось все хлопоты на себя брать. Я, помню, позвонил, когда отец из деревни вернулся, спрашивал, как всё прошло.

Батя уклончиво отвечал, старался тему про деревню закрыть. А когда я с армии вернулся, предложил отцу вдвоём в деревню махнуть, порыбачить, да и вообще вместе побыть, он резко оборвал разговор. Сказал, что нечего в деревне делать. На рыбалку можно и поближе съездить.

– Чудно, ведь это его дом. Он в нём всю жизнь прожил, пока в город не перебрался, – пожимал плечами Владимир.

– И мне чудно было, – согласился Александр, – у меня о деревне самые тёплые воспоминания.

Хотя я отцу тоже как-то сказал, мол, чего тогда простаивает, давай продадим. Он ответил, что пусть стоит, как память. На все мои попытки вытащить его туда отнекивается. Говорит, что и мне там делать нечего. Кстати, он и сейчас не в курсе, что мы с тобой в деревню махнуть решили...

Когда неделю назад замаячили майские праздники, двое молодых мужчин, коллег по работе и просто друзей, решили съездить на природу. Александр предложил навеститься в его деревню. Ему и самому давно хотелось побывать там. О деревенском доме он вспоминал периодически. Он всегда любил бывать там. Но, войдя после армии в темп взрослой жизни, всё никак не мог выбрать время. Да к тому же отец был всегда против, если Саша намекал ему о поездке. А ехать одному было несподручно. Во-первых, деревня не близко, день пути минимум. А во-вторых, одному будет реально скучно. Сейчас же всё сложилось как нельзя лучше.

Собрав сумки, затарившись провиантом и рыболовными снастями, молодые люди намеревались отдохнуть, что называется, от души.

К деревне подъехали уже в потёмках. Причём это слово не совсем отображало ту тьму, которая стояла перед ребятами.

– Свет что ль отключили? – спросил Саша, глядя на чернеющие дома. Они стояли у начала деревни, и огни фар были единственным источником света. На всей улице не горело ни единого фонаря. Ни в одном окне не горел свет.

– Скорее всего, – ответил Володя. – Я читал, что в некоторых областях так делают. Для экономии электроэнергии ночью на несколько часов отключают свет.

– Ну, так это ночью! – произнёс Александр. – А сейчас только десять вечера. Бог с ним, со светом, надо дом найти.

Они ехали вдоль домов медленно, боясь пропустить нужный. Глядя в окно, Саша хмурился:

деревня выглядела словно брошенной. Некоторые дома смотрели на них пустыми глазами выбитых окон.

– М-да, – изрёк Саша, глаза по сторонам, – давненько я тут не был. Много изменилось.

– Это всё темнота, – произнёс Владимир, – утром всё как обычно будет.

– Надеюсь, – ответил Саша. – О! Кажется, мы на месте.

Выйдя из машины, ребята поёжились. Каждый из них обратил внимание, что на улице было неуютно находиться. Ночной воздух, доползший до деревни из окружавших её лесов, был влажным и тяжёлым. Хотелось побыстрее юркнуть в помещение.

Включив фонарики на телефонах, молодые люди направились к дому. Чуть поковырявшись с замком, они открыли дверь и вошли внутрь. Воздух в доме был сухим, слегка пахло пылью.

Саша пощёлкал выключателем – света не было.

– Так, – начал он, – давай быстренько перетащим вещи из машины в дом, и я найду керосиновую лампу.

Когда вещи были в доме, Александр убежал в сарай. Пробыв там около пяти минут, он вернулся расстроенным.

– Лампа есть, – сказал он, демонстрируя её, – керосина нет.

– Как же впотьмах осваиваться будем? – спросил Володя.

– Может, к соседям зайти? – предложил Саша. – Не совсем глубокая ночь, войдут в положение, выручат.

– Попробуй, – согласился товарищ.

Александр вышел из дома и, освещая себе путь телефоном, пошёл к дому соседей.

Соседский забор был частично обрушен, а сам дом в сумерках выглядел зловещим.

Саша оглядел крыльцо в поисках звонка. Не найдя его, он постучал в дверь. Вокруг стояла тишина.

"Странно, что собаки в деревне не лают", – подумал молодой человек. На стук никто так и не отозвался, и тогда он постучал посильнее.

– Хозяева, – крикнул Александр, – подсобите по-соседски!

В ответ опять не раздалось ни звука. Саша решил подолбить по двери кулаком, но вдруг от первого удара она отворилась.

– Эй, – негромко спросил он, – есть кто?

Дом был погружён в кромешную тьму. Освещая пространство перед собой, парень осторожно вошёл в сени. Под ногами поскрипывали доски. Воздух в этом доме мало отличался от воздуха на улице. Он был таким же влажным и холодным. Где-то впереди раздалось какое-то шевеление. Саша замер.

– Хозяева, – начал Саша, – простите за вторжение, я ваш сосед, к Никодимовым в дом приехал.

Тишина в ответ. Александр прислушался: в одной из комнат явно кто-то копошился. Выставив впереди себя руку с включенным телефонным фонариком, он решительно пошёл вперёд.

– Я хотел керосина одолжить, – говорил парень громко, явно не желая, чтоб его приняли за грабителя, – могу сразу денег дать.

Переступив порог комнаты, Саша резко остановился. Луч света осветил просторный зал. В центре стоял стол, на котором лежал самый настоящий гроб. За сложенными горкой руками не было видно лица. Но Саше и не нужно было его видеть. Сердце бешено забилося, и парень бросился прочь. Сшибая углы и врезаясь в косяки, он в панике бежал к выходу.

Выбежав на улицу, не сбавляя темпа, Александр нёсся к своему дому. Паника окончательно охватила его, когда, дёрнув на себя входную дверь, он понял, что она закрыта изнутри.

– Вован, – закричал он, стуча ладонью по двери, – открывай, Вов, быстрее, это я.

Он стучал по деревянному полотну, постоянно оглядываясь, словно боясь, что лежащий по соседству покойник решит выйти из своего дома.

– Сань, ты? – слышалось из-за двери.

– Я-я, открывай скорее, – нервно закричал он.

Лязгнул засов, и в отворившуюся дверь Александр буквально ввалился, быстро захлопнув её за собой.

Привалившись спиной к двери, он сполз по ней на пол. Дыхание никак не приходило в норму, сердце пыталось выскочить из груди.

– Ты чего заперся? – спросил Саша, пытаясь взять себя в руки.

Владимир молчал.

– Ну, – произнёс Александр.

– Да тут, понимаешь, – замямлил Володя, – ты когда ушёл, я начал сумку разбирать. Слышу, дверь хлопнула – думал, ты так быстро вернулся. Пошёл тебе навстречу, а тут никого. Не по себе стало, вот я и закрылся. А ты чего такой нервный-то? Керосин принёс?

– Да какой керосин, – ответил Саша, чуть успокоившись, – чуть Богу душу не отдал. Зашёл к соседу, а он там в гробу. В доме темень, и он лежит.

– Охренеть, – произнёс Владимир, поражённый информацией. – У них так принято что ль?

– Откуда я знаю, что здесь принято. Из дома сегодня ни ногой, нагулялся!

– Давай успокоимся. Ночь на дворе – надо утра дожждаться, а дальше видно будет. А поспать можно и без разобранных вещей. Завтра разберёмся, – сказал Вова.

– Да уж, заснуть бы теперь вообще, – ответил Саша, поднимаясь с пола и направляясь в комнату.

Спать решено было вместе, благо диван, если его разложить, был довольно широким.

Повалились в чём были, не раздеваясь.

Дорога или пережитый стресс от вида гроба в ночи, но задремали ребята довольно быстро.

Среди ночи Саша почувствовал, как кто-то его тормошит за плечо.

Открыв глаза, он увидел перед собой лицо друга.

– Послушай, – произнёс тот, – кто-то под окнами ходит.

Сон как рукой сняло. Саша сел и весь обратился в слух. Шаги действительно были слышны.

– Ты смотрел в окно? – шёпотом спросил он.

– Смотрел, но ничего не увидел. Он уже час ходит, – ответил друг.

Александр подошёл к окну и открыл его, высунувшись наружу.

– Кто здесь? – спросил он. Естественно, ему никто не ответил.

Оба уснули лишь под утро, когда первые рассветные лучи, коснувшись потолка, медленно опускались по стенам вниз.

Владимир первым открыл глаза и лёжа осматривал дом.

Добротный, бревенчатый, никакого тебе новомодного гипсокартона с обоями. Обстановка в доме словно переносила его в другое время. Сервант, комод на кривых ножках, невысокий шкаф – всё это было вещами из другой эпохи.

Из раздумий вывел крик петуха, который горланил, явно находясь где-то рядом.

От крика Саша тоже проснулся. Владимир подошёл к окну. Мимо прошёл человек, гнавший перед собой небольшое стадо коров. Бурёнки мычали, приветствуя друг друга. Петух заголосил ещё раз. Александр поднялся с дивана и тоже подошёл к окну.

– Ну вот, – начал Володя, – говорил же, ночь так действует. Надо ещё к кому-нибудь сходить и узнать, что у них со светом. И заодно про мертвеца вчерашнего спросить.

Ребята вышли на улицу – в нос ударил запах удаляющегося стада.

– А запаах, – шутливо произнёс Володя.

– Дааа, – ответил ему друг, втягивая носом воздух.

При свете дня ребята разбирали внесённые в дом вещи, раскладывали снасти, намереваясь после завтрака пройтись по окрестностям.

Сашка щёлкнул выключателем, и в небольшом плафоне на потолке вспыхнула лампочка.
– Прекрасно, – сказал он вслух, – нужно не забыть зарядить телефоны.

Из дома вышли ближе к полудню. Деревня жила своей жизнью. Старушки сидели на лавках, куры бродили по дворам соседей, лаяли собаки.

На собаках Сашка сделал акцент.

– Вчера была полная тишина, – обратился он к другу, – где были собаки ночью?

Владимир пожал плечами, не зная, что ответить.

Они стояли у калитки, когда дверь соседского дома распахнулась, и во двор вышел мужчина. Ребята пошли к нему.

– Примите соболезнования, – начал Саша, памятуя о вчерашнем покойнике.

– В смысле? – хмуро ответил мужчина. Было видно, что ему не совсем хорошо. – Набрался вчера с Серёгой, башка раскалывается. Плохо вечер помню. Вы чьих будете?

Ребята переглянулись.

– К Никодимовым приехали. Вчера вечером только добрались, – ответил Саша.

– Ясно, – ответил сосед, – давненько вас тут не было. Меня Петром кличут. Опохмелиться бы, – произнёс Пётр, отворачиваясь от ребят.

– Пиво есть, будете? – спросил Владимир.

– Не откажусь, – широко улыбнувшись, ответил сосед.

Володя сходил к машине и извлёк из багажника пару бутылок пива. Вернувшись к Петру, он спросил:

– А керосинчиком не богаты? У вас тут со светом проблемы, мы не ожидали.

– Керосину? – произнёс Пётр, откупоривая крышку. – Это можно. Неси лампу, заправлю.

Отдав мужчине пиво, молодой человек побежал домой за керосинкой.

Забрав лампу из рук Володи, мужчина скрылся в сарае.

– Как думаешь, спросить у него про гроб? – произнёс Саша.

– Не знаю. Ночка вчера странная была, может, с дороги переутомились? Чем чёрт не шутит, – ответил Владимир.

– Вот именно, что чёрт, – задумчиво сказал Александр и замолчал, видя приближающегося Петра. Тот протянул им лампу.

– А со светом, да, – произнёс он, – отключают периодически. Мы уж привыкшие к темноте.

Поблагодарив соседа за керосин, ребята отошли от забора.

Разобравшись с вещами окончательно и на скорую руку стоговав обед, молодые люди решили прогуляться по местности.

Они шли вдоль улицы к озеру. Хотелось к вечеру сходить на вечерний клёв.

Идя по деревне, Сашка здоровался с соседями. Некоторых он помнил по молодости. Не прям чтоб наверняка, но всё же припоминал людей, живших тут ранее. В ответ люди здоровались с ребятами, провожая их долгим взглядом.

– А чего они так нас разглядывают? – спросил Володя.

– А Бог их знает. Мне кажется, к пришлым всегда интерес проявляют, – ответил Саша.

На самом краю деревни Владимир обернулся – несколько человек, сбившись в кучку, смотрели им вслед тяжёлым недружелюбным взглядом.

Списав всё на отрезанность деревушки от мира, молодой человек не стал акцентировать на этом внимание.

"Как дикари", – подумал он и выкинул их из головы.

Озеро было шикарным. Идеальный круг обрамляли небольшие заросли камыша, бережок был песчаным. Чуть поодаль стоял мостик, с которого можно было удобно отчалить на лодке. Ребята сели на берегу и размечтались о вечерней рыбалке.

Вдруг откуда-то слева раздался плеск, потом шуршание камыша, и на землю из воды вышел парень. На вид ему было около двадцати. Он резко остановился, будто не ожидая увидеть незнакомцев.

Владимир вежливо поприветствовал его и решил спросить, что за рыба водится в озере. Парень сдержанно поздоровался, а потом вдруг просиял улыбкой.

– Санёк, ты ли это? – спросил он, широко улыбаясь.

Саша стоял и внимательно рассматривал парня. Что-то знакомое мелькало в памяти, но ухватить, что, ему пока не удавалось.

– Ну, Сашка! Вспоминай, это же я – Лёшка Федотов! – говорил юноша.

Сашка силился вспомнить изо всех сил. Его смущал возраст молодого человека. Слишком уж он был молод для того, чтобы с ним в детстве в деревне бегать.

– Прости, не припоминаю, – стушевался Александр.

– Кольку жирного помнишь? – не унимался тот.

– Кольку помню, – отозвался Сашка. Колька был толстым мальчишкой, приезжавшим в деревню к деду из Питера. Добродушный толстяк, душа компании.

– Уже хорошо, – продолжил Лёша. – А помнишь, как мы из сада деда Никифора яблоки стащили, а он нам за это прутом вдоль спины прошёлся?

– Ааа, – заулыбался Саша, потом вдруг в его глазах появилось непонимание, но уже секунду спустя ровным тоном он произнёс: – Помню, помню, ох и досталось нам тогда от старика.

– Ну вот, вспомнил же, – обрадовался Алексей и, притянув Сашку к себе, как закадычного друга, обнял и похлопал по спине.

Сердце Александра бешено заколотилось: прикосновение рук старого знакомого словно прожгло холодом кожу.

– Да, вспомнил, – произнёс Саша, стараясь придать голосу непринуждённость. – Ты прости, Лёш – нам пора, мы там баню затопили, как бы не перегреть.

Развернувшись, он резко дёрнул Владимира за руку и, не дожидаясь реакции, пошёл прочь.

Владимир попрощался с Алексеем, извинился, что так мало пообщались, и как бы из вежливости предложил заходить в гости.

– Сань, ты чего? – спросил Володя, нагнав друга. – Старый знакомый, можно было бы и поболтать, какая баня?

– Иди спокойно, – ответил Сашка. – Впрочем, обернись – он смотрит?

Вова обернулся – Алексей действительно стоял на том же месте и смотрел им вслед.

– Да, смотрит, – ответил он, – а что случилось-то?

– А то, что был у меня действительно в детстве друг, Лёшка Федотов. Только утонул он! Как раз в тот год я в последний раз в этой деревне и был, – пояснил Саша, не сбавляя темпа.

– Подожди, – начал Вовка, – может, его откачали, а ты не знал? Сам же говоришь, в деревне не был.

– Вова, не тупи! – рявкнул Александр. – Я его в гробу видел! Помню, как мать его убивалась.

Он, в отличие от нас, местным был. По нему тогда полдеревни горевало. Хороший парень... – Саша с пару секунд помолчал и, добавив: – Был, – прибавил шагу.

Буквально влетев в дом, он запер дверь на засов.

– Слушай, какая-то чертовщина творится. Может, не зря мой отец сюда ехать не хотел. Он в этой деревне из нашей семьи был последним. Может, уже тогда что-то происходило, – произнёс Александр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.